

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Оформление серии *А. Старикова*

Под редакцией *О. Рубис*

Полякова, Татьяна Викторовна.
П54 Судьба-волшебница / Татьяна Полякова. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. —
(Русский бестселлер).

ISBN 978-5-699-91538-5

Старая любовь не ржавеет... Так говорят... Я вернулась в родной город, откуда убежала сто лет назад, в надежде забыть любовную драму. Друзья детства Ирка и Егор просили помочь в одном важном деле. Оказывается, подружка сперла деньги у шефа, а теперь решила их вернуть. Не каждому ведь доверишь миллионы и не каждому признаешься, что их украла. Сама Ирка не хотела желанием встречаться с бывшим шефом. Поэтому с миллионами к Кудрявцеву отправляют меня. Вскоре после того, как я отдала сумку с деньгами, его убили. Выходит, подруга меня подставила?! И что мне теперь делать? Идти в полицию и поведать Иркину сказочку? Да меня первую заподозрят в преступлении! В такой истории без адвоката не обойтись. И он не преминул появиться! Марк Левандовский оказался воплощением женских грез о благородном и сильном. А во мне боруются две страсти: моя первая любовь и новое чувство...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Полякова Т., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2017

ISBN 978-5-699-91538-5

На перроне меня никто не ждал. Еще минуту назад я весьма красочно представляла встречу старых друзей, объятия, радостные вопли, похлопывание по плечу и прочее в том же духе, а теперь стояла сиротливо, оглядываясь и пытаюсь увидеть в толпе знакомые лица. Народ, вдоволь наобнимавшись, тянулся к зданию вокзала, а я продолжала стоять. «Опаздывают, — подумала с некоторой обидой. — Или вовсе перепутали, когда и каким поездом приезжаю. Чего взять с безголовиков?»

Перрон быстро опустел, ждать дальше не было никакого смысла. Подхватив чемодан, я побрела к зданию вокзала, на ходу набирая Иркин номер. Телефон выключен, сообщил женский голос. Очень мило. Забыть, когда я приезжаю, да еще и мобильный отключить... С телефоном Егора та же история. Черт бы побрал моих дорогих друзей. Отличное начало отпуска. Впрочем, сама виновата. Надо было послать их подальше и лететь на Кубу, как и планировала.

Между тем я вышла на привокзальную площадь, все еще продолжая оглядываться в тщетной надежде, что Ирка с Егором появятся или вдруг раздастся звонок и кто-то из них сообщит, куда их унесли черти,

а главное, что теперь делать мне? Это, кстати, самый насущный вопрос. Если честно, меня так и подмывало вернуться на вокзал и купить билет в обратном направлении. Спасу свой отпуск. Но, по неведомой причине, я все еще брела по площади к стоянке такси. «Надо выяснить, почему они меня не встретили», — решила я. А кто мешает узнать это по телефону, находясь на той же Кубе? Когда-нибудь безголовки объявятся и все объяснят. Вполне разумно. Может, действительно сразу уехать?

От этого города я не ждала ничего хорошего. Само собой, город здесь ни при чем, просто с ним связаны весьма неприятные воспоминания, которые я намеревалась забыть. И поспешила сюда на всех парах... Где логика?

Окажись на стоянке толпа жаждущих уехать граждан, здравый смысл, возможно, победил бы. Но к тому моменту, когда я и мой чемодан туда добрались, в данной части вокзальной площади не было ни души, зато стоял ярко-желтый автомобиль с шашечками, передняя дверь гостеприимно распахнута.

— Свободны? — спросила я упитанного дядю за рулем, все еще играя с судьбой.

— Конечно, красавица, — улыбнулся он, вышел, запихнул мой чемодан в багажник, отрезая пути к отступлению. — Куда едем?

Я села на заднее сиденье, вздохнула и назвала адрес.

— Из отпуска вернулись? — спросил словоохотливый водитель.

— В отпуск.

— К родным?

— Вроде того. Как у вас тут жизнь? Не жалуетесь?

— Хоть жалуйся, хоть нет... идет жизнь. У всех по-разному. Давно у нас не были?

— Давно.

Я уставилась в окно, разглядывая проплывающие мимо дома.

— Пробки замучили, — продолжил мужчина. — Просто беда.

— Понятно.

Я попыталась вспомнить, куда сунула ключи от квартиры. В сумку? В карман чемодана? Остановиться я планировала у Ирки, наболтаться вволю... У себя светиться не хотелось. Но придется. Ладно. Скорее всего, на мой приезд попросту не обратят внимания. Я тут же задалась вопросом: хорошо это или плохо? То есть нравится мне это или нет?

Несколько лет назад я спешно покидала этот город как раз для того, чтобы избавиться себя от подобных вопросов. И жила вполне счастливо. Но стоило здесь оказаться... Из-за поворота возник мой дом, пятиэтажная «сталинка» с лепниной в виде колошесов пшеницы и пятиконечной звездой под крышей. Сколько себя помню, дом красили в блекло-желтый цвет, теперь он был ядовито-розовым, ограждение балконов тоже поменяли. Вместо гипсовых балясин черная ковка с золотом. Жизнь не стоит на месте.

— Какой подъезд? — спросил водитель, въезжая во двор.

— Второй.

Я расплатилась, он достал мой чемодан, и я направилась к подъезду, гадая, как в него войти. Ключи от квартиры у меня есть, а вот домофон успели сменить, о чем тетушка меня предупредила. Ее комплект ключей сейчас у риелтора, но я даже толком не знаю, где находится эта чертова контора. В любом случае

тащиться туда с чемоданом я не намерена. Кому из соседей лучше позвонить? Стасе? Или Маринке с четвертого этажа?

Пока я гадала над этим, дверь распахнулась, и Стася предстала передо мной в неизменной шляпке с розами и перчатках в сеточку. Выглядела она в точности так, как в последнюю нашу встречу. Все то же сморщенное личико с ярко-синими тенями на верхнем веке и красной помадой на губах.

«Сколько же ей лет?» — некстати подумала я, подурачки улыбаясь. Нам всегда казалось — лет сто. Спрашивать из нас никто не рискнул: как истинная женщина, Стася подобное любопытство не приветствовала.

Она окинула меня хмурым взглядом, а я продолжала улыбаться и, заподозрив, что ответной улыбки не дождусь, сказала весело:

— Здравствуйте.

То ли старушке изменяет память, то ли это я так изменилась, что меня не узнать? Стася нахмурилась еще больше, после чего схватилась за сердце:

— Зоська? Матка боска, ченстоховска, ты?

Вообще-то, я Софья, но с легкой руки Стаси, обладательницы диковинного имени Станислава-Августа и польских кровей, меня в родном дворе иначе никто не звал. Чтоб вы знали, Зося — это Софья по-польски, если верить Стасе, конечно. Сама я информацию проверить так и не удосужилась. Та же Стася утверждала, что польской крови и во мне с избытком. Ничего не имею против, но папа к утверждению соседки всегда относился с сомнением.

— Откуда тебя леший принес? — задала вопрос Стася и, притянув мою голову, запечатлела на лбу поцелуй. Я едва удержалась от искушения прове-

рить, не остался ли след от помады, раскрыла объятия и прижала к груди тщедушное тельце соседки.

На вопрос я так и не ответила, зато задала свой:

— Как здоровье Юджина Казимировича? — Это, кстати, бабкин кот, жутко вредное существо породы британский голубой. Он успешно заменял и мужа, и детей, каковых у Станиславы никогда не было.

— Слава богу, — ответила бабка. — У нас с ним уговор: сдохнем в один день. Куда он без меня, а я без него?

— Надеюсь, до этого еще очень далеко.

— И я надеюсь. Да что толку. Коты в среднем живут лет десять, мой-то гораздо старше. Да и я, знаешь ли, не молодею. Ты из-за квартиры приехала или как? Ладно, мне в аптеку надо. Заходи, все расскажешь, я шарлотку испеку.

И, гордо вскинув голову, она пошла дальше, открыв мне дверь и пообещав дать запасной магнитный ключ.

Я поднялась на третий этаж, радуясь, что вещей захватила не так много. Постояв перед дверью в квартиру, точно собираясь с силами, я наконец вошла. Тетка, на которую спихнули заботы о жилище, предупреждала, что сделала ремонт. Последние несколько лет здесь обретались чужие люди (квартиру сдавали), может, поэтому возникло ощущение, что я в номере отеля. Часть мебели после ремонта отправили на свалку, появилось такое новшество, как гардеробная, кухню расширили, комнаты казались светлее, просторнее. В общем, мало что напоминало тут о моей прежней жизни. Может, и хорошо.

Прогулявшись по комнатам и открыв окна (в квартире было душновато), я вновь позвонила своим друзьям. Телефоны по-прежнему отключены.

Это даже интригует. Прячутся они от меня, что ли? А зачем было в гости звать?

Ирка позвонила неделю назад. В отличие от прочих друзей и знакомых в этом городе, она прекрасно знала, что я отправилась отсюда не к маме в Америку, как надлежало думать всем остальным, а к отцу в Петербург. Родители у меня в разводе уже лет двадцать. Десять лет назад у мамы случилась командировка в США, почти на полгода. За это время она успела встретить мужчину своей мечты и выйти за него замуж. В общем, сюда больше не вернулась, оставив меня на попечение тетки, своей родной сестры. К счастью для меня, попечение было совсем не обременительным, мы уживались вполне мирно, стараясь как можно реже попадаться друг другу на глаза. С отцом в то время связи я почти не поддерживала, не считая редких звонков и подарков ко дню рождения. Но, спешно покидая этот город, отправилась к нему, а не к маме. Америка вовсе не казалась мне привлекательной, да и мама не особо звала: отчим, по ее словам, любил меня как родную, но, надо думать, предпочитал делать это на расстоянии. А вот папа настоял, чтобы я жила с ним. Под его неусыпным контролем я окончила институт и теперь являюсь одним из ведущих специалистов в его фирме.

В общем, все у меня отлично. Квартиру здесь так и не продали, потому что руки не доходили или потому что я не хотела сюда приезжать. А может, наоборот, надеялась, что однажды вернусь? Ну, вот я вернулась, и пока в этом нет ничего хорошего. Тетка, кстати, год назад отбыла к мамуле, вероятно, в поисках своего женского счастья. Недавно квартиранты съехали, и заниматься квартирой теперь предстояло

мне. То ли сдать, то ли продать. Данное обстоятельство тоже сыграло свою роль в моем решении приехать.

Распаковав чемоданы и определив на место зубную щетку и косметичку, я налила воды в ванну и погрузилась в сладкую дрему, нежась в душистой пене и держа мобильный под рукой.

Итак, неделю назад позвонила Ирка. В последнее время мы перезванивались все реже. Как-то так складывалось. Летом она собиралась меня навестить, я дважды по этому случаю переносила отпуск, но подругу не дождалась. Звонок раздался в половине первого ночи, но это нисколько не удивило: Ирка и в четыре утра могла позвонить. Голос ее звучал весело, я даже решила, что она слегка не рассчитала с выпивкой.

— Зоська, дело есть. Большое-пребольшое. Приезжай, а?

— Ага. Уже мчусь.

— Не, я серьезно. Поговорить надо. Обсудить важное. Не по телефону.

— Ну и что мешает? Ты еще в июне хотела приехать. У меня отпуск. На Кубу хочу.

— Супер. Куба-либра, Че Гевара и мохито. А может, все-таки к нам? Если честно, ты мне позарез нужна. Мне и Горе.

— Случилось что-нибудь? — насторожилась я.

— Пока нет. Просто помощь нужна. Позарез. Приезжай, а?

— Какого хрена ты меня пугаешь? — разозлилась я. — Говори, в чем дело? Куда ты вляпалась?

— Нет, нет, нет, — зачастила Ирка. — Ничего подобного. Нужен толковый совет и все такое... разобраться здесь на месте. Не могу я об этом по теле-

фону. Мне надо, чтобы ты напротив сидела, чтоб я твои глаза видела.

— С глазами явный перебор. Ты, дубина стое-
росовая, так меня запугала, что хоть сейчас к тебе
срывайся.

— Сейчас не нужно. Давай через недельку. У ме-
ня как раз тут все прояснится. И ты не спеша собе-
решься. Ладушки? А, Зоська?

— Ладушки, — буркнула я, и на этом разговор,
собственно, и закончился.

Чуть ли не мурлыча от удовольствия в теплой
воде, я беззлобно подумала: это какой же дурой на-
до быть, чтобы после подобного разговора загубить
свой отпуск, сорвавшись сюда. В Иркином голосе
особой тревоги не было. Два дня назад она вновь
позвонила, и я сообщила, что билет куплен, и на-
звала время, в которое меня следует встретить. Ир-
ка заверила, что встретят. Имея в виду себя и Горе.
Горе — это Егор Стычкин, поначалу его звали Гора,
ну а потом одну букву сменила другая, так как с ним
вечно что-то случалось. Ирка была Чумой, так как
носила фамилию Чумакова. Я, как вам уже известно,
Зоська. Соседка тетя Маша прозвала нас безголови-
ками: с ее точки зрения, мы отличались от нормаль-
ных детей. Наверное, она права. Росли мы в одном
дворе, ходили в один детский сад и дружили с пе-
ленок, а наши приключения вызывали у взрослых
недоумение, плавно переходящее в убежденность,
что тетя Маша — провидица и с нами что-то не так.

Мое первое отчетливое воспоминание. Мы гуля-
ем в парке, нам по три года, счастливые мамы си-
дят на скамейке и трещат, точно сороки, а мы бегаем
за мячиком. Мячик приглянулся не только нам, но
и собаке, совершавшей здесь свой обычный моци-

он. Хотя я и была очевидцем, но объяснить, как все произошло, не берусь. Помню истошный крик Егора и общую суету. Пес в борьбе за мяч откусил у Горы мизинец. Хозяйка пса и мамаша пострадавшего наперегонки хлопаются в обморок. Кто-то бежит за собакой, предусмотрительно покинувшей место происшествия, кто-то звонит в «Скорую», и все дружно кричат: «Ищите палец, его пришьют!» Палец в конце концов нашли, но так и не пришили. Что-то не удалось. Остался наш Горе без мизинца. Собственно, после этого случая прозвище за ним и закрепилось. В парк мы больше не ходили, он вызывал неприятные ассоциации, хотя этот случай взрослые вспоминали довольно часто; мамаша Горы в сердцах не раз говорила: «Где вас носит? Дошляешься, придурок, опять что-нибудь откусят». Гора покаянно вздыхал, но при случае хвастал отсутствием мизинца перед ребятней из соседнего двора и красочно рассказывал историю его потери. Никто толком не помнит, что за собака лишила его конечности, то ли французский бульдог, то ли мопс, то ли просто дворняга. Думаю, челюстями он клацнул не подумав, без намерения нанести увечья. Но в рассказе Горы неизменно присутствовал доберман, с которым была жуткая битва. Само собой, доберман сдох от разрыва сердца, поняв, что битву проиграл. Боюсь, что реальную собачку усыпили, хотя, может, и обошлось. Вряд ли мамаше Егора пришлось в голову подавать на хозяйку собаки в суд. У нее была чересчур насыщенная личная жизнь. Впрочем, может, кто-то и надоумил, но я последствий этой драмы совершенно не помню, если не считать смены одной буквы в привычном имени Горы. Потом было множество всяких происшествий, но, к счастью, обошлось без членовредительства.

Прозвище, данное нам соседкой, мгновенно прижилось, и собственные родители, выходя во двор, спрашивали соседей:

— Безголовиков не видели?

Долгое время мы, по наивности, считали, это нечто ласковое, вроде «заек» и «рыбок», и стали сами так себя называть. А к тому моменту, когда правда выплыла наружу, настолько привыкли к коллективному прозвищу, что не пожелали с ним расстаться, даже если б могли.

В школе наша дружба лишь укрепилась, мы оказались в разных классах, но на переменках сбивались в стайку, держась особняком от остальной детворы. Не знаю, что нас объединяло с самого начала. Просто случайность и последующая привычка? Общая тяга к раздолбайству, ловко маскирующаяся под любовь к приключениям? Или тот факт, что все мы безотцовщина? У других были отцы, у нас не было. Мой отбыл последним, и я смутно помнила те времена, когда он жил с нами. Опять же, отец иногда появлялся, вызывая острую зависть у остальной компании. Родительницы Горы и Ирки были матерями-одиночками. Если Ирка кое-что знала о своем отце («козел твой папа Витя, чтоб ему пусто было»), то на отцовство Горы, по мнению соседей, могли претендовать десятка два мужиков в нашем районе. Правда, претендовать никто не торопился. Во втором классе возле школы нас встретила местная шпана, взяли в кольцо и принялись задирать Гору, называя его мать шлюхой. Детьми мы были развитыми и прекрасно понимали, что значит это слово. В тот день мы впервые дрались по-настоящему, до крови, чем повергли задир в настоящий шок, никто из них не ожидал, что мы не только дадим отпор, но станем

драться с таким остервенением. Особенно отличилась Чума, умудрившись сломать нос одному из задир. Он был на целых два года старше и считался грозой среди малышни. Кличка Чума после этого случая намертво закрепилась за Ирккой, а то, что мы форменные шизики, теперь ни у кого не вызывало сомнений.

До окончания девятилетки нам пришлось драться еще с десятков раз, по поводам самым разным, и мы неизменно подтверждали, что так нас прозвали не зря. После окончания девятого класса Чума отправилась в колледж, а Гора пошел работать; ко всему прочему, мои друзья перебрались на новое место жительства. Иркина мать наконец-то вышла замуж, у избранника была своя жилплощадь, две квартиры обменяли на трешку в новом районе. Мать Горы к тому моменту, успев стать многодетной матерью, наконец-то выбралась из коммуналки. Но дружба наша не расстроилась, наоборот, крепчала день ото дня...

Тут зазвонил мобильный, и я поспешила ответить в надежде, что друзья детства наконец-то объявились. Звонил папа с вопросом, как я добралась и устроилась. За первым звонком последовал второй, на сей раз от риелтора. Ольга Владимировна интересовалась, прибыла ли я в город, и предложила встретиться.

Быстро приняв душ, я прошла в кухню, проверила шкафы в надежде, что где-то завалился пакетик чая, а лучше бы кофе. Шкафы были пусты и тщательно вымыты. Деньги за генеральную уборку я платила не зря.

Я решила заглянуть к Стасе, ее квартира напротив. Но соседка, судя по всему, еще не вернулась,